

Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110).
Political Linguistics. 2025. No 2 (110).

УДК 81'42+81'27+81'38
ББК III105.51+III105.55+III100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Юлия Эдуардовна Знак

Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия,
levi-julia@yandex.ru, SPIN-код: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу примеров «вторичной вербальной номинации», которая представляет собой технологию (стратегию) массового интердискурсивного идеологического воздействия. Российской Федерации в настоящее время переживает острую фазу противостояния с сильным и коварным геополитическим соперником в лице «коллективного Запада», отстаивая свои национальные интересы. Цель статьи — выявление специфики метода вторичной вербальной номинации, который непосредственно доказывает цели и задачи interferingающего влияния западного гегемонистического дискурса. Анализ примеров идеологической пропаганды геополитических противников России улучшит понимание специфики используемых лингвистических методов оказания воздействия институтов «коллективного» Запада и западных СМИ, позволит выработать способы противодействия подобной практике и будет способствовать обеспечению национальной безопасности РФ. Новизну работы составляет лингвистическое исследование дискурсивных событий, связанных с идеологической (ре-) концептуализацией языковой картины мира в реалиях современной информационной войны.

В статье рассматриваются примеры вторичной вербальной номинации в доктринальных документах НАТО, в том числе в Вашингтонской декларации, которая была принята по итогам саммита стран НАТО в 2024 г., а также в других англоязычных публикациях СМИ. Для расширения доказательной базы автор использует материалы из официальных источников — официального сайта Государственной думы РФ, Министерства обороны РФ, НАТО. Результаты исследования позволяют выявить на конкретных примерах, каким образом осуществляется навязывание идеологически ангажированного западного гегемонистического и, зачастую, антироссийского дискурса, что может способствовать разработке необходимых мер противостояния пропаганде «коллективного» Запада и позволит отстаивать национальные интересы Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, вторичная вербальная номинация, военные конфликты, коллективный Запад, идеологическая пропаганда, политическая идеология, гибридная война, рекатегоризация, geopolitika, геополитические соперники, национальные интересы, российские президенты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Знак Юлия Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 3105; email: levi-julia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Знак, Ю. Э. Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа / Ю. Э. Знак. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 133-144.

Yu. E. Znak

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, levi-julia@yandex.ru, SPIN code: 4724-2780, <https://orcid.org/0000-0002-1873-2889>

Secondary Verbal Nomination as a Linguistically Relevant Feature of a New Type of Military Conflicts

ABSTRACT. The article examines such an interdiscursive technique (strategy) of mass ideological impact as “secondary verbal nomination”. The Russian Federation is currently going through a dramatic period of confrontation with a strong and cunning geopolitical rival (the so-called “collective West”), defending its national interests. The article aims to identify specifics of the method of secondary verbal nomination, which directly demonstrates the goals and objectives of the interfering impact of the Western hegemonic discourse. The analysis of ideological propaganda examples of Russian geopolitical opponents can improve the understanding of linguistic methods of exerting influence used by the institutions of the “collective West” and Western media, can provide ways to counter such practices and will contribute to the national security of the Russian Federation. The novelty of the work is determined by the need to study of discursive events related to ideological (re)conceptualization of the linguistic worldview in the context of the modern information warfare.

The article examines the examples of secondary nomination in the NATO doctrinal documents, including the Washington Declaration adopted following the 2024 NATO summit, as well as other English-language media publications. Materials from official sources such as the official website of the State Duma of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, NATO, etc. served to enlarge the sample under study. The conducted research allows us to identify the specific examples of an ideologically biased Western hegemonic and often anti-Russian discourse, which can contribute to

the development of the necessary measures to counter the propaganda of the collective West and will allow defending national interests of the Russian Federation.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political texts, secondary verbal nominations, military conflicts, collective West, ideological propaganda, political ideology, hybrid warfare, re-categorization, geopolitics, geopolitical rivals, national interests, Russian presidents.

AUTHOR'S INFORMATION: Znak Yuliya Eduardovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English No 6, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia.

FOR CITATION: Znak Yu. E. (2025). Secondary Verbal Nomination as a Linguistically Relevant Feature of a New Type of Military Conflicts. In *Political Linguistics*. No 2 (110), pp. 133-144. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

По мнению экспертов, в том числе военных, главным «полем сражений» за контроль над энергоресурсами, рабочей силой, территорией и др. в XXI в. стали психика и сознание человека, а средствами ведения борьбы по изменению психосферы оппонента стало нелетальное и информационное оружие. С. М. Иншаков полагает, что в XXI в. поле битвы будет смещаться в интеллектуальную сферу, а главные сражения новейшего времени будут в сфере интеллектуальной войны [Иншаков 2022: 10].

Как известно, военный конфликт представляет собой форму разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы, предполагает любое применение вооруженного насилия противоборствующими сторонами в интересах достижения определенных целей. Основными типами военных конфликтов являются войны и вооруженные конфликты¹.

Средствами вооруженной борьбы является оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами воюющих сторон для нанесения вреда противнику. Средства поражения, согласно нормам международного права, подразделяются на дозволенные и запрещенные².

Современные войны, как считают аналитики, тесно связаны с политикой и экономикой воюющих сторон и классифицируются по различным основаниям. В современных военно-политических и экономических условиях следует обратить особое внимание на классификацию конфликтов по применяемой стратегии достижения целей войны: стратегия сокрушения противника; стратегия непрямых действий; информационная война; смешанный тип (гибридная, асимметричная, партизанская война)³.

В соответствии с этой классификацией в понятие средства вооруженной борьбы входят не только традиционные системы

вооружения вооруженных сил, но и значительно больший спектр новых инструментов воздействия на противника: информационные, экономические, социальные и иные. Гибридная война (англ. hybridwarfare) — вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет потенциал своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий в информационной среде, а также оказывая поддержку повстанцам и иным деструктивным силам, действующим на территории противника. При этом военные действия могут вообще не вестись, и с формальной точки зрения гибридная война может протекать в мирное время³.

В труде «Гибридная война» К. В. Сивков и К. Н. Соколов выделяют 6 основных подтипов войн в информационно-духовной сфере, нацеленных: на дегуманизацию (разрушение моральных устоев); духовную дезориентацию (разрушение общинных ценностей индивидуалистическими, размытие представлений о добре и зле); дебилизацию (разрушение научно-технологической сферы жизни общества); космополитизацию (разрушение национальных ценностей и их замещение иностранными); ментальные войны (разрушение мировоззренческих основ общества и их модификация); войны на устрашение (формирование представления о гибельности сопротивления) [Сивков, Соколов 2023: 32].

По мнению А. И. Фурсова, суть войны в информационном пространстве может быть выражена в психоисторическом аспекте существования человека, проецируясь как системное воздействие на информационном (фальсификация истины, подтасовка фактов), концептуальном («упаковывание» информации, избирательное формирование знаний) и метафизическом уровнях (изменение смыслов и образов в сознании) [цит. по: Хабаров 2022: 60].

Вслед за А. П. Сквородниковым, А. А. Хабаров подчеркивает важность и научную акту-

¹ <https://bigenc.ru/c/voennyi-konflikt-daac15>

² <https://bigenc.ru/c/sredstva-vedeniiia-voinyabadec>

³ <https://bigenc.ru/c/voina-911cd6>

альность выдвижения на передний план лингвистики информационно-психологической войны, как полипарадигмального мультидисциплинарного направления, которая занимается вопросами изучения форм языка во взаимосвязи с психическими процессами и механизмами управления социальным поведением людей. Это обусловлено тем, что «мишениями воздействия стали российская государственность, институты власти, история России и русского народа, включая победу в Великой Отечественной войне, православие, культуру и язык, науку, искусство и др.» [цит. по: Хабаров 2022: 57].

В интерпретации А. П. Сквородникова информационно-психологической войной является противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, информационно-психологического, прежде всего языкового воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия с противоположной стороны [Сквородников 2020: 13].

Типовыми интердискурсивными технологиями (стратегиями) массового идеологического воздействия, по мнению А. А. Хабарова, являются «креолизация, вторичная вербальная номинация, ментальное картирование, полифоническое профилирование, поляризация и др.». [Хабаров 2022: 24].

Проблематика информационной войны получила всестороннюю и глубокую разработку в ряде отечественных и зарубежных научных направлений, однако дальнейшего изучения требуют вопросы дискурсивного пространства информационной войны, взаимосвязи приемов массового коммуникативного воздействия. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения современных методов лингвистического воздействия на различные сферы интегрального потенциала государства-противника с использованием современных информационно-коммуникативных технологий.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и описании специфики метода вторичной вербальной номинации с акцентом на лингвокогнитивный анализ внутренних смысловых асимметрий.

Выбор методов исследования был определен необходимостью и возможностью решить поставленные задачи. Решение поставленных задач осуществлялось на основе описательного и сравнительно-сопоставительного методов, посредством анализа

структур и интерпретации информации в дискурсе СМИ, а также индукции и дедукции, заключающихся в движении от общих закономерностей институционализации социополитических процессов к их фактическому (частному) проявлению, что способствует наиболее полному и точному раскрытию сущности такого сложного и неоднозначного явления, каким является информационно-психологическое противоборство в условиях цифровой реальности.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении базовых положений к изучению лингвистически релевантных признаков военных конфликтов нового типа, аспектов вторичной вербальной номинации в контексте социополитических реалий и в условиях конфликтогенной коммуникации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что описание метода и примеров вторичной вербальной номинации может способствовать разработке стратегии противостояния пропаганде «коллективного» Запада и позволит отстаивать национальные интересы Российской Федерации.

2. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются примеры вторичной вербальной номинации, которые непосредственно доказывают цели и задачи интерферирующего влияния западного гегемонистического дискурса. Следует отметить, что вторичная языковая номинация представляет собой переосмысление готовых языковых единиц, выступающих во вторичной для них функции. В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который, в свою очередь, позволяет устанавливать сходства и различия на основе признаков, присущих новым именам. Вторичная номинация может иметь и языковой, и речевой характер.

Феномен языковой номинации в целом и вторичной номинации в частности был уже неоднократно рассмотрен в зарубежной лингвистике, а также в трудах советских и российских ученых (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Б. А. Серебренников и др.).

Вторичная вербальная номинация связана с особенностью номинативного аспекта языка и обусловлена прежде всего тем, что знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двухкратную соотнесенность (реперенцию) с предметным рядом:

- 1) в качестве номинативных знаков — слов и словосочетаний — в системе номинаций, в парадигматике;

2) в качестве или в составе предикативных знаков — фраз, высказываний — в актуальной речи, в синтагматике.

Естественный язык является не только средством познания окружающего мира — материализуя мысль, он связан с формированием и передачей мыслей, выражением чувств, оценок и различных интенций, обслуживая тем самым сферы эмоциональной, речемыслительной и коммуникативной деятельности человека. Будучи полифункциональным, язык дает наименование вещам, явлениям, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений; храня и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц, язык удовлетворяет одновременно коммуникативным потребностям людей.

Языковая техника рекурсивно-комбинаторных способов наименования обеспечивается «гибкостью» самого языкового кода — его многоуровневой системой тождеств и различий элементов и правил их организации, с одной стороны, а с другой — взаимодействием номинативного (классифицирующего) и коммуникативного (синтезирующего) планов речевой деятельности, где функциональные тождества и различия преобладают над структурно-семантическими [Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова, Телия 1977: 79].

Уникальным свойством естественного человеческого языка является его способность двукратного (двойного) означивания объектов окружающей действительности (в языковой системе и речи) [Азнаурова 1977: 88].

В. Н. Телия утверждает, что «именно в процессах реального функционирования языка его номинативные средства, отражая элементы структуры обозначаемого в предложении события, приспособливаются к выполнению определенного коммуникативного задания, которое вдыхает новые смыслы в значения слов, способствуя их переосмыслению» [Телия 1977: 136].

В результате вторичной номинации слово приобретает иное значение вследствие сознательного употребления в речи значения для именования предмета, который не является его естественным (обычным) референтом. Создание нового понимания предмета происходит на основе уже имеющегося материала, тем самым наименование осуществляется при помощи производного значения.

Как следствие, итог вторичной номинации — это закрепленные значения словесных знаков, принятые языком, а также употребление лексических единиц в несобственной для них номинативной функции.

По А. А. Хабарову, вторичная вербальная номинация является важнейшим средством рекатегоризации концептуальной картины мира, представляет собой «вид идеологически мотивированного замещения семантики знака через форму его языковой кодификации, направленный на функциональную замену внешней (материальной) формы знака при сохранении реального референциального отношения». Подобное замещение приводит к нарушению аксиологического и концептуального осмысливания знака в речи, с последующим коммуникативным закреплением смысловой асимметрии в языковом узусе через замещенную форму речевого знака. Целью размывания референциальных отношений между истинной семантикой предмета и опосредуемым в речевом знаке смысловым значением является использование речевого знака в новом, идеологически навязанном коннотативном значении [Хабаров 2022: 311].

Так, в своей докторской диссертации А. А. Хабаров приводит ряд примеров применения средств вторичного номинирования в доказательство того, что языковыми средствами маскируются реальные цели, задачи политики США и стран коллективного Запада.

Через вторичную вербальную номинацию в американский национальный дискурс внедряются социально значимые для индивида единицы концептосферы, разными вербальными средствами создается основа для их вариативного применения при создании метафорических образов и дискурсивных фигур отображения альтернативной реальности. Создаются идеологемы, понятия и определения в таких критически важных сферах государственного управления, как жизнь и здоровье («gender incongruence» — «гендерное несоответствие»), социальные отношения («family planning» — «планирование семьи»), религия («And may God protect our troops» — «И пусть Бог оберегает наши войска»), политика, «rules-based order», военное дело («humanitarian intervention» — «гуманитарная интервенция»), право («surrogacy» — «суррогатное материнство»), культура («tolerance» — «толерантность»), наука и технологии («Internet of things» (IoT) — «интернет вещей») и др. [Хабаров 2022: 311–313].

3. ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ВТОРИЧНОГО НОМИНИРОВАНИЯ

В качестве примера демонстрации вторичной номинации на уровне стратегической дезинформации рассмотрим итоговую декларацию саммита НАТО, состоявшегося в июле 2024 г. Дискурсивная практика применения средств вторичного номинирования

проявляется в таких формулировках, как, например:

1. «Forged to preserve peace (NATO)» — «НАТО, созданная для сохранения мира»;

2. «We are bound together by shared values: individual liberty, human rights, democracy, and the rule of law» — «Нас связывают общие ценности: свобода личности, права человека, демократия и верховенство права»;

3. «We adhere to international law and to the purposes and principles of the Charter of the United Nations and are committed to upholding the rules-based international order» — «Мы придерживаемся международного права, а также целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, и привержены поддержанию международного порядка, основанного на правилах»;

4. «We will also continue to strengthen our human security approach related to the protection of civilians and cultural property» — «Мы также будем продолжать укреплять наш подход к обеспечению безопасности человека в связи с защитой гражданских лиц и культурных ценностей»;

5. «At a time when international law and fundamental norms are challenged, we remain fully committed to international humanitarian law» — «Мы по-прежнему полностью привержены международному гуманитарному праву в условиях, когда международное право и основные нормы подвергаются угрозе»;

6. «Seventy-five years ago, NATO was founded to preserve peace and promote stability within the Euro-Atlantic area» — «Семьдесят пять лет назад было создано НАТО для сохранения мира и содействия стабильности в евроатлантическом регионе» и др.

Правомерность таких формулировок, как *сохранение мира; свобода личности, права человека, демократия и верховенство права; приверженность международному праву, а также целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, поддержанию международного порядка, основанного на правилах; укрепление подхода к обеспечению безопасности человека в связи с защитой гражданских лиц и культурных ценностей; приверженность международному гуманитарному праву*, можно поставить под сомнение на основе общеизвестных исторических фактов, которые зафиксированы в документах и с которыми можно познакомиться в открытых источниках. В XX–XXI вв. список уничтоженных Вашингтоном либо утративших государственность стран включает государства Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока, Африки, Азиатско-

Тихоокеанского региона, в том числе Корею (1950–1953 гг.), Вьетнам (1965–1973 гг.), Сомали (1992–1994, 2007–2008 гг.), Югославию (1990–1999 гг.), Ирак (1991 г.; бомбардировки 1992–2002, 2003–2012 гг.), Афганистан (2001–2021 гг.), Ливию (2011 г.), Сирию (2011–2015 гг., 2024 г.).

Кроме того, военные интервенции США были осуществлены в Колумбию (1901 г.), Панаму (1902 г.), Филиппины (1906 г., 1966 г.), Китай (1895, 1911, 1927–1934, 1939 гг.), Россию (1918–1920 гг.).

Американские спецслужбы причастны к государственным переворотам в Иране (1953 г.), Ливане (1958, 1982–1983 гг.), на Гаити (1959 г.), в Эквадоре (1960 г.), Гватемале (1960 г., 1966 г.), Индонезии (1966 г.), Конго (1967, 1978 гг.), Камбодже (1968 г.), Никарагуа (1907, 1937, 1972 гг.), Лаосе (1971–1973 гг.), Гренаде (1983 г.), Гондурасе (1988 г.), Панаме (1989–1990 гг.), Восточном Тиморе (2000 г.), Грузии (2003 г.), Пакистане (2005–2006 гг.), на Украине (2008, 2014 гг.) и т. д.¹

На основе вышеперечисленных фактов можно сделать вывод о том, что цели НАТО далеки от мирных, напротив, итогом деятельности этой организации стало не поддержание и сохранение мира, а многочисленные человеческие жертвы, в том числе среди гражданского населения, гуманитарная катастрофа, голод, разрушение государственности целого ряда стран.

Рассмотрим другие примеры вторичной верbalной номинации в сфере информационного противоборства применительно к важнейшим проблемам мировой политики: «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека».

Мировой тенденцией последнего десятилетия, активно утверждаемой Западом, стала «зеленая повестка» для достижения в том числе «энергетической безопасности» в контексте борьбы с изменением климата. Данная инициатива предполагает реализацию мер, направленных на защиту окружающей среды и устойчивое развитие. В ее основе отказ от использования углеводородов, угля и атомной энергетики и переход на энергию воды, ветра и солнца.

На Западе была развернута активная пропагандистская кампания: проводились международные конференции, принимались декларации, подписывались международные договоры, появились свои спикеры, пропагандирующие «зеленую» трансформацию, среди них наибольшую известность получи-

¹ <https://ruxpert.ru/Список военных операций США>.

ла Грета Тунберг. В контексте реконцептуализации языковой картины мира «зеленая повестка» и «энергетическая безопасность» рассматриваются нами как демонстрация приема вторичной вербальной номинации.

Так, на официальном сайте НАТО в июне 2021 г. представлен «План действий НАТО по изменению климата и безопасности» (NATO Climate Change and Security Action Plan), в соответствии с которым утверждается, что «НАТО также проведет оценку того, как изменение климата может повлиять на ее потенциал сдерживания и обороноспособности, включая готовность, оснащение, подкрепление и военную мобильность»¹.

«NATO will also assess how climate change might impact its deterrence and defence posture, including readiness, enablement, reinforcement, and military mobility».

В Вашингтонской итоговой декларации 2024 г. также сделан акцент на этой проблеме: «We will continue integrating climate change considerations into all core tasks and will enhance our energy security efforts. Climate change is a defining challenge with a profound impact on our security. NATO remains committed to becoming the leading international organisation for understanding and adapting to the impacts of climate change and extreme weather on security. Energy is a critical capability enabler to NATO's core tasks and military operations... As we adapt our Alliance to the ongoing energy transition, we will ensure military capability, effectiveness, and interoperability»². — «Мы продолжим учитывать соображения, связанные с изменением климата, во всех основных задачах и активизируем наши усилия в области энергетической безопасности. Изменение климата — это определяющий вызов, глубоко влияющий на нашу безопасность. НАТО остается неизменной в своем стремлении стать ведущей международной организацией по пониманию последствий изменения климата и экстремальных погодных условий для безопасности и адаптации к ним. Энергия — это критически важный фактор, определяющий силы и средства при выполнении основных задач НАТО и осуществлении военных операций... По мере адаптации нашего Североатлантического союза к происходящему энергетическому переходу мы будем обеспечивать военный потенциал, эффективность и оперативную совместимость».

На основе данного примера можно сделать вывод о том, что НАТО использует проблему изменения климата как часть своей повестки, климатическая риторика позволяет НАТО, ее партнерам и союзникам расширять свое влияние и оправдывать военные расходы на «экологические операции», о чем косвенно свидетельствует подрыв «Северных потоков».

Обратимся к другому примеру. В статье «Связь между климатом и космосом: новые подходы к укреплению устойчивости НАТО» авторы напрямую утверждают, что «технологии, которые изначально предназначались и использовались для отслеживания погодных явлений, помогают вооруженным силами стран НАТО совершенствовать боевые силы и средства, повышать оперативную эффективность и осведомленность об обстановке на поле боя», особенно в контексте продолжающейся войны на Украине, где радиолокационные данные и спутниковые изображения «помогают украинским силам следить за передвижением российских войск»³. Кроме того, авторы указывают на то, что «с помощью данных с европейского спутника „Сентинэль“, использовавшихся ранее для наблюдения за ростом растительности, оценивается ущерб, наносимый зданиям, а также отслеживается передвижение войск и техники на западе территории России».

Известно, что инициатором «зеленого» перехода стали США, навязывающие новую энергетическую повестку Евросоюзу. Цель — закрепить на международном уровне собственные экологические стандарты и продвинуть свои технологии на глобальные рынки. Вскоре обозначились последствия: стали закрываться угольные шахты, останавливаться энергоблоки атомных электростанций. В странах ЕС появились целые поля с ветрогенераторами и панелями с солнечными батареями, на улицах европейских городов появилось большое количество электромобилей. В результате такого внедрения «зеленой повестки» и «энергетической безопасности» темпы экономического развития Европы резко сократились, автомобильная промышленность оказалась в тяжелом кризисе. Также стала очевидна выгода США от утверждения энергетической диверсификации. После значительного сокращения европейцами закупок российского трубопроводного газа американские экспортёры начали агрессивно осваивать рынки Европы. В 2022 г.

¹ https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_185174.htm.

² https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en.

³ <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2022/08/18/svyaz-meyodu-klimatom-i-kosmosom-novye-podhody-k-ukrepleniyu-ustojchivosti-nato/index.html>.

продажи сжиженного природного газа из США в Европу увеличились почти в 2,5 раза по отношению к 2021 г. Таким образом, Вашингтон использует фактор борьбы за экологию как инструмент для решения широкого спектра проблем — от противостояния России до тотального переформатирования правил игры в международных экономических отношениях.

Весьма показательной является статья Стива Миллой, опубликованная 6 февраля 2025 года в американском журнале *Real ClearEnergy* под названием «There Is Nothing Green About the ‘Green’ Agenda»¹. «Климатический скептик» — республиканец утверждает, что в решениях климатических левых «нет ничего зеленого». В своей статье он приводит целый ряд аргументов, свидетельствующих о крайне негативных последствиях такого рода «зеленой» повестки: использование рабов-детей в Конго для добычи кобальта для литий-ионных аккумуляторов, используемых в электромобилях, когда дети работают грубыми инструментами и голыми руками, вдыхая токсичную пыль кобальта в тесных ямах, при этом сточные воды, пропитанные кобальтом и другими химикатами, загрязняют водоснабжение; в Индонезии отходы переработки при добыче и переработке никеля просачиваются в землю, пылевые остатки повсеместно покрывают близлежащие населенные пункты, в то время как водные пути, загрязненные горнодобывающими работами, имеют красный оттенок; в Бразилии был закрыт завод по производству алюминия для Ford F-150 Lightening, полностью электрического пикапа компании, в результате удовлетворения иска, когда выяснилось, что токсичные элементы, включая алюминий и другие тяжелые металлы, выделяемые заводом, являются причиной рака, врожденных дефектов, неврологических расстройств, расстройств пищеварения, кожных заболеваний и повышенной смертности. Стив Миллой также указывает на то, что уничтожение лесных угодий для солнечных батарей вредно для окружающей среды, так как потеря лесов, поглощающих углекислый газ для солнечных установок, приводит к увеличению выбросов парниковых газов, а работа ветряных электростанций приводит к массовой гибели диких животных, так как нарушаются среда обитания. Автор статьи,

подводя итог, утверждает, что правда заключается в том, что зеленой энергии не существует, как и не существует «чистой» или «грязной» энергии, а есть проблемы, решения и компромиссы, при этом во времена и без того высоких цен на энергоносители выбор надежной энергии, поддерживаемой ископаемым топливом, имеет первостепенное значение.

Приведем еще один пример демонстрации приема вторичной номинации на уровне стратегической дезинформации, связанный с концептом «зеленая повестка». В феврале 2024 г. в журнале «XQ The News» была опубликована статья «Greenwashing: what is fake green?» («Ложная экологичность: что такое фальшивый зеленый?»)². По сути, в статье речь идет о ложной информации об «экологической ответственности» со стороны целого ряда компаний, когда они, заявляя о том, что их продукция «экологична», по факту скрывают истинные данные и используют характеристики, которые не соответствуют действительности. Термин «гринвашинг» («ложная экологичность» / «эковтирательство») был впервые использован экологом Джоем Вестервельдом в 1986 г. во время отдыха на Фиджи. Позже он защитил диссертацию по данной проблеме, и эта тема стала широко обсуждаться с привлечением общественности, вплоть до того, что ООН также обратила на нее внимание. На сайте ООН в разделе, посвященному мерам по борьбе с изменением климата, опубликована статья «Ложная экологичность — это обманчивая тактика, скрывающаяся за заявлениями об экологической безопасности» («Greenwashing — the deceptive tactics behind environmental claims»), в которой описываются приемы недобросовестных компаний, связанные с ложной экологичностью³. Генсек ООН Антониу Гуттерриш также высказался по этой проблеме в ходе презентации доклада Группы экспертов высокого уровня по достижению чистого нулевого уровня выбросов: «Мы должны проявлять нулевую терпимость к „зеленому промыванию мозгов“», — заявил он («We must have zero tolerance for net-zero greenwashing»)⁴.

В статье журнала «XQ The News» приводятся конкретные факты, например о компании и сети кофеен «Starbucks», которая в рамках своей стратегии «устойчивого раз-

¹ https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_nothing_green_about_the_green_agenda_1089809.html.

² <https://xqthenews.com/en/greenwashing-what-is-fake-green/>.

³ <https://www.un.org/en/climatechange/science/climate-issues/greenwashing>.

⁴ <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2022-11-08/secretary-generals-remarks-launch-of-report-of-high-level-expert-group-net-zero-commitments-delivered>.

вия» или экологической ответственности в 2018 году выступила с инициативой «Крышка без трубочки», но эта крышка содержала больше пластика, чем старая комбинация крышки и трубочки. Похожая ситуация возникла с компанией «McDonalds», которая в том же году объявила, что откажется от одноразовых пластиковых трубочек в своих ресторанах и предложит бумажные трубочки. Однако позже выяснилось, что трубочки на самом деле не подлежат переработке и т. д.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что концепты «зеленая повестка» и «энергетическая безопасность» являются демонстрацией приема вторичной вербальной номинации, используются в целях стратегической дезинформации для продвижения «коллективным Западом» во главе с США экспансионистской политики, а также применяются недобросовестными компаниями для привлечения покупателей и увеличения спроса на свою продукцию. Под различными лозунгами зеленой повестки и энергетической безопасности, в том числе необходимости адаптировать военные стратегии к новым реалиям, западные страны продвигают свои геополитические интересы, воздействуют на рынки других стран, контролируют ключевые ресурсы.

Рассмотрим еще один пример демонстрации приема вторичной вербальной номинации, связанный с такими концептами, как «стратегия в области биотехнологий» и «технологий совершенствования человека».

На официальном сайте НАТО 12 апреля 2024 г. опубликован документ, представляющий собой краткое изложение стратегии НАТО в области биотехнологий и технологий совершенствования человека — «Summary of NATO's Biotechnology and Human Enhancement Technologies Strategy»¹. Приведем ряд цитат: «Biotechnology and human enhancement technologies (BHE) will transform our economies, societies, security and defence in unprecedented and unforeseeable ways» — «Биотехнологии и технологии совершенствования человека преобразуют нашу экономику, общество, безопасность и оборону в беспрецедентных и непредсказуемых масштабах»... «Human Enhancement Technologies are biotechnological and non- biotechnological interventions that enable individuals to operate beyond normal human limits or abilities. Opportunities to leverage human enhancement technologies for our defence and security include improving: military medicine and rehabilitation of military personnel...; cognitive awareness, especially in complex operational environments

where human-machine interfaces and fatigue countermeasures can enhance decision-making beyond baseline human capabilities» — «Технологии совершенствования человека — это биотехнологические и небиотехнологические вмешательства, которые позволяют людям действовать за пределами обычных человеческих ограничений или способностей. Возможности использования технологий совершенствования человека для нашей обороны и безопасности включают улучшение в таких сферах: военная медицина и реабилитация военнослужащих...; когнитивная осведомленность, особенно в сложных оперативных условиях, где взаимодействие человека и машины и меры по борьбе с усталостью могут улучшить процесс принятия решений, выходя за рамки базовых человеческих возможностей».

На основе приведенных примеров можно сделать промежуточный вывод о том, что первоначальная цель НАТО — реабилитация военнослужащих, повышение их выносливости в экстремальных ситуациях. Однако 5 и 7 пункты стратегии гласят: «Human enhancement technologies also present defence and security risks against which Allies and NATO must safeguard, including strategic competitors and potential adversaries enhancing their forces, or otherwise seeking to degrade Allied forces by exploiting cognitive, physical or technological vulnerabilities, to achieve military advantages»... — «Технологии совершенствования человека также представляют собой риски для обороны и безопасности, от которых союзники и НАТО должны защищаться, включая стратегических конкурентов и потенциальных противников, усиливающих свои силы или при иных обстоятельствах пытающихся ослабить силы союзников, используя когнитивные, физические или технологические уязвимости для достижения военного преимущества». «Our use of BHE technologies must be founded on our norms, values and commitment to international law» — «Использование нами технологий ВНЕ должно основываться на наших нормах, ценностях и приверженности международному праву».

Отметим, НАТО заявляет о том, что стремится развивать технологии «совершенствования человека», что будет способствовать улучшению физического состояния военнослужащих, повышению их эффективности. Однако фактически речь идет также о том, что цель организации — противостоять потенциальным угрозам на основе правил и норм, разработанных самой НАТО.

¹ https://www.nato.int/cps/ra/natohq/official_texts_224669.htm.

На пленарном заседании 11 апреля 2023 г. Государственная дума РФ единогласно утвердила итоговый доклад, озвученный заместителем Председателя ГД РФ И. Яровой, из которого следует, что по поручению Председателя Государственной думы было инициировано парламентское расследование по факту деятельности американских биолабораторий на Украине¹. Была проведена большая работа, изучены и соотнесены многие факты, установлены свидетели, исходя из имеющихся сведений был сделан ряд выводов: «...Пентагон организовал на Украине план военно-биологической оккупации. Именно на Соединенных Штатах сегодня лежит вина и ответственность за военно-биологическую оккупацию Украины... Фактически Украина превратилась в очаг эпидемий кори, туберкулеза и других заболеваний. При помощи Комиссии специалистами Министерства обороны был проведен анализ 180 проб крови проходящих лечение украинских военнослужащих, который показал: более 30 % из них переболели или больны гепатитом, 14 % — конго-крымской лихорадкой, а 21 % — лихорадкой Западного Нила. Данные заболевания активно изучались на Украине представителями Пентагона в рамках проектов UP, и поэтому есть все основания утверждать об умышленном инфицировании гораздо большего количества украинских военнослужащих, чем указано в проекте».

Доказательства, представленные в докладе, свидетельствуют о том, что под благовидным предлогом (в том числе «совершенствования человека») администрация США инициировала создание глобальной военно-биологической сети и глобальной военно-биологической разведки для создания биологических рисков, запуска эпидемий и управления численностью населения.

Обратимся еще раз к Вашингтонской итоговой декларации НАТО 2024 года². В ней зафиксировано следующее положение: «We have accelerated NATO's transformation to meet current and future threats and to maintain our technological edge, including through experimentation and more rapid adoption of emerging technologies, and through digital transformation. To this end, we will implement our revised Artificial Intelligence Strategy and new Quantum and Biotechnology Strategies and further promote principles of responsible use which underpin our work... We are closely monitoring technological advancements on the battlefield in Ukraine and are launching new innovation initiatives with our Ukrainian part-

ners». — «Мы ускоряем процесс трансформации НАТО, чтобы противостоять нынешним и будущим угрозам и сохранить наше технологическое превосходство, в том числе благодаря проведению экспериментов, ускоренному внедрению новых технологий и цифровым преобразованиям. С этой целью мы будем реализовывать нашу пересмотренную стратегию в области искусственного интеллекта, новую квантовую стратегию и новую стратегию в области биотехнологий, а также и далее поддерживать основу нашей работы — принципы ответственного применения... Мы внимательно следим за технологическими достижениями на поле боя в Украине и запускаем новые совместные с украинскими партнерами инициативы в области инноваций». По сути, такая расплывчатая формулировка, как «we will implement our ... new Quantum and Biotechnology Strategies» — «мы будем реализовывать нашу новую квантовую стратегию и новую стратегию в области биотехнологий», может подразумевать действия в обход международного права, направленные на биологические эксперименты, разработку и накопление опасных патогенов и т. д., что созвучно с концептом «усовершенствование человека» и является демонстрацией примера вторичной вербальной номинации.

Можно провести параллели между докладом И. Яровой по парламентскому расследованию и данными «Стратегии НАТО в области биотехнологий и технологий совершенствования человека», а также итоговой Вашингтонской декларацией. В докладе И. Яровой говорится: «...Нашли подтверждение и факты о том, что США испытывали на украинских военнослужащих и незарегистрированные лекарственные препараты. Самое ужасное, что и сегодня мы видим подтверждение того, что военнослужащие Украины напичканы разными психотропными препаратами, которые направлены на повышение их агрессивности и нечеловеческой жестокости. Которая направлена против кого? Против женщин, детей и военнопленных».

Данные примеры, по нашему мнению, подтверждают использование СМИ «коллективного Запада» приема вторичной вербальной номинации с целью определенной идеологической установки, связанной с якобы гуманными целями «усовершенствования человека», с целью продвижения своих geopolитических и интересов, однако фактически имеет место явное нарушение конвенции ООН о запрещении разработки, произ-

¹ <http://duma.gov.ru/news/56838/>.

² https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_227678.htm?selectedLocale=en.

водства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), которая была одобрена Генассамблеей ООН в 1971 году и является бессрочной.

Для расширения доказательной базы обратимся к еще нескольким примерам, на основании которых можно с уверенностью утверждать, что концепты «стратегия в области биотехнологий» и «технологии совершенствования человека» являются примерами демонстрации приема вторичной вербальной номинации.

В ходе брифинга 24 декабря 2024 г. заместитель начальника войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных сил РФ генерал-майор Алексей Ртищев публично выступил с докладом, посвященным военно-биологической деятельности Вашингтона¹. Он заявил: «В зону повышенного интереса попала Африка. Администрация Соединенных Штатов рассматривает регион как неограниченный природный резервуар возбудителей опасных инфекций и полигон для натурных испытаний экспериментальных медицинских препаратов». На официальном сайте Минобороны России представлен данный доклад, приведем несколько цитат: «...в то время, как заявленными целями являются мониторинг инфекционной заболеваемости и оказание помощи развивающимся странам, на практике мы видим наращивание военно-биологического потенциала США в обход обязательств по КБТО. При этом прослеживается четкая тенденция: возбудители болезней, которые попадают в зону интересов Пентагона, в дальнейшем получают пандемическое распространение, а выгодоприобретателями становятся американские фармкомпании; ... особое внимание уделено переносу незавершенных военно-биологических исследований с территории Украины; ... таким образом, на фоне поступательного укрепления позиций России в Африке, в том числе в сфере биобезопасности, Соединенные Штаты стремятся не допустить ослабления своего влияния в регионе... Как показывает практика, подобное взаимодействие обрачивается утратой национального суверенитета в сфере биобезопасности и ухудшением ситуации с заболеваемостью».

Проведенный анализ показывает, что НАТО, прикрываясь лозунгами об инициативах в области биотехнологий, направленных на защиту от возможных биологических угроз и улучшение здоровья населения, фактически использует свои наработки для

скрытых военных целей, что является с позиции лингвокогнитивного подхода демонстрацией вторичной вербальной номинации.

4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проблема вторичной вербальной номинации не теряет своей актуальности, является важнейшим инструментом пропаганды в западных СМИ, которые продолжают целенаправленно блокировать сведения о военных преступлениях США и их союзников.

В рассмотренных нами примерах функцию вторичной номинации выполняют лексические единицы на уровне слов и словосочетаний, такие как «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека», характеризующиеся семантической многозначностью и частотно-прецедентным употреблением в средствах массовой коммуникации в тех оценочных и смысловых коннотациях, которые необходимы для лоббирования определенных геополитических интересов, объективации концептосферы идеологии управления в соответствии с коммуникативным замыслом источника воздействия.

Такие концепты, как «зеленая повестка», «энергетическая безопасность», внедрение «стратегии по биотехнологиям» и технологий по «совершенствованию человека», которые находят свое отражение в дискурсе западных СМИ, зачастую под благовидными предлогами применяются для обозначения экологических инициатив, а также программ в сфере медицины и биотехнологий, которые фактически могут быть использованы для легитимации узокорыстных экономических мер или политических и военных действий.

Применение вторичного номинирования косвенно сигнализирует о фактах блокирования информации и фальсификации истины, что необходимо осознавать и чему необходимо противостоять для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В дальнейшем мы планируем продолжить исследования, сосредоточив внимание на таких концептах, как «оборона», «трансгуманизм», «умный город» и др.

ИСТОЧНИКИ

1. «Зеленая повестка». Свет и тень экологической инициативы. — URL: <https://cominf.org/node/1166552498> (дата обращения: 28. 02.2025)
2. Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. — 2020. — 31 июля. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/1424261/#:~:text=Конвенция%20о%20запрещении%20биологического%20и%20токсинного%20оружия

¹ https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12543302@egNews.

ботки%2C производства. Является бессрочной. (дата обращения: 7.03.2025)

3. Коновалов П. П., Арсентьев О. В., Буянов А. Л., Бекмурзов С. М. Применение биологического оружия — реалии современного мира. // Сибирское медицинское обозрение. — 2015. — № 4. — С. 79–84. — URL: https://smr.krasgmu.ru/journal/121_16.pdf (дата обращения: 5. 03.2025). The use of biological weapons — realities of the contemporary world
4. Ларина Е., Овчинский В. США и НАТО: ставка на инновационные технологии в военном деле // Завтра. — 2023. — 13 янв. — URL: https://zavtra.ru/blogs/ssha_i_nato_stavka_na_innovacionnie_tehnologii_v_voennom_dele (дата обращения: 7.03.2025)

5. Минобороны: США рассматривают Африку как полигон для испытаний препаратов // Piter.tv. — 2024. — 24 дек. — URL: https://piter.tv/event/Minoboroni_SShA_rassmatrivaют_Afriku_kak_poligon_dlya_ispitanij_preparatov/ (дата обращения: 8.03.2025)

6. Россия предостерегла Африку от сотрудничества с США в военно-биологической сфере // Коммерсантъ. — 2024. — 24 дек. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402040> (дата обращения: 8.03.2025)

7. Milloy, Steve. There Is Nothing Green About the ‘Green’ Agenda. // Real Clear Energy. — 2025. — Feb. 6. — URL: https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_not_hing_green_about_the_green_agenda_1089809.html (date of access: 1.03.2025)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бартуш, А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI в. / А. А. Бартуш. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2022. — 324 с.: с ил. — Текст : непосредственный.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар. — Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : [б. и.], 1987. — С. 88–125.
3. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Наука : Флинта, 2008. — Текст : непосредственный.
4. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности : моногр. / С. М. Иншаков. — Москва : РУСАЙНС, 2024. — 306 с. — Текст : непосредственный.
5. Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 1. — С. 74–79.
6. Кабаченко, А. М. Особенности ведения войны в современных условиях; характерные черты «гибридных» войн / А. М. Кабаченко. — Текст : электронный. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-vojny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).
7. Красильникова, Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дис. ... канд. филол. наук / Красильникова Н. А. — Екатеринбург, 2005. — Текст : непосредственный.
8. Кушнерук, С. Л. Основные направления развития российской лингвистики информационно-психологической войны / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсеева [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — С. 20–43.
9. Панарин, И. Н. Гибридная война и ЯЛТА-2 / И. Н. Панарин. — Москва : Горячая линия — Телеком, 2023. — 452 с.: ил. — Текст : непосредственный.
10. Попова, З. Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. — С. 8–50. — Текст: непосредственный.
11. Романов, А. А. Технология резонансной информации в политической коммуникации / А. А. Романов, Л. А. Романова. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России — 6. Материалы постоянно действующего семинара. — Москва : [б. и.], 2002.

12. Сивков, К. Гибридная война / К. Сивков, К. Соколов. — Москва : Наше завтра, 2023. — 280 с. — Текст : непосредственный.

13. Хабаров, А. А. Этнокогнитивные основы информационно-психологического воздействия в коммуникативной динамике дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Хабаров А. А. — Москва, 2022. — Текст : непосредственный.

14. Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1977. — 356 с. — Текст : непосредственный.

15. Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, д-р филол. наук А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1977. — 360 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. «Zelenaya povedka». Svet i ten' ekologicheskoy initiativy [“Green Agenda”]. Light and Shadow of the Environmental Initiative] (n.d.). Retrieved Feb. 28, 2025, from <https://cominf.org/node/1166552498> (In Russ.)

2. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2020, July 31). Konvensiya o zapreshchenii biologicheskogo i toksin-nogo oruzhiya [Biological and Toxin Weapons Convention]. Retrieved March 7, 2025, from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/1424261/#:~:text=Konvensiya%20o%20zapreshchenii%20razrabotki%20proizvodstva,Yavlyayetsya%20bessrochnoy (In Russ.)

3. Konovalov, P.P., Arsent'ev, O.V., Buyanov, A.L., & Bekmurzov, S.M. (2015). Primenenie biologicheskogo oruzhiya — realii sovremenennogo mira [The use of biological weapons — realities of the contemporary world]. *Sibirskoe meditsinskoе obozrenie*, 4, 79–84. Retrieved March 5, 2025, from https://smr.krasgmu.ru/journal/121_16.pdf (In Russ.)

4. Larina, E., & Ovchinskiy, V. (2023, Jan. 13). SShA i NATO: stavka na innovatsionnye tekhnologii v voennom dele [USA and NATO: betting on innovative technologies in military affairs]. *Zavtra*. Retrieved March 7, 2025, from https://zavtra.ru/blogs/ssha_i_nato_stavka_na_innovacionnie_tehnologii_v_voennom_dеле (In Russ.)

5. Piter.tv (2024, Dec. 24). Minoborony: SShA rassmatrivaют Afriku kak poligon dlya ispitanij preparatov [Ministry of Defense: US considers Africa as a testing ground for drugs]. Retrieved March 8, 2025, from https://piter.tv/event/Minoboroni_SShA_rassmatrivaют_Afriku_kak_poligon_dlya_ispitanij_preparatov/ (In Russ.)

6. Rossiya predostereglia Afriku ot sotrudnichestva s SShA v voenno-biologicheskoy sfere [Russia warned Africa against cooperation with the US in the military-biological sphere] (2024, Dec. 24). *Kommersant*. Retrieved March 8, 2025, from <https://www.kommersant.ru/doc/7402040> (In Russ.)

7. Milloy, Steve (2025, Feb. 6). There Is Nothing Green About the ‘Green’ Agenda. At *Real Clear Energy* (site). Retrieved March 1, 2025, from https://www.realclearenergy.org/articles/2025/02/06/there_is_nothing_green_about_the_green_agenda_1089809.html

REFERENCES

1. Bartosh, A.A. (2022). Tuman gibrnidnoi voiny. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI v. [Fog of hybrid war. Uncertainties and risks of conflict in XXI]. Moscow: Goriachaya linia — Telekom, 324 p. (In Russ.)

2. Blakar, R.M. (1987). Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti [Language as an Instrument of Social Power]. In *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* (pp. 88–125). Moscow. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Nauka: Flinta, 248 p. (In Russ.)

4. Inshakov, S.M. (2024). *Gibrnidnaia voina v sisteme voennykh ugroz natsional'noi bezopasnosti* [Hybrid war in the system of military threats to national security] [Monograph]. Moscow: RUSAINS, 306 p. (In Russ.)

5. Issers, O.S. (1999). Rechevoe vozdeystvie v aspekte kognitivnykh kategoriy [Speech Impact in the Aspect of Cognitive Categories]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1, 74–79. (In Russ.)

6. Kabachenko, A.M. (n.d.). *Osobennosti vedeniya voiny v sovremennykh usloviyah; kharakternye cherty «gibrnidnykh»*

- vojn [Features of warfare in modern conditions; characteristics of «hybrid» wars]. Retrieved March 12, 2025, from <https://mgimo.ru/upload/iblock/d5c/osobennosti-vedeniya-vojny-v-sovremennyh-usloviyah.pdf> (In Russ.)
7. Krasil'nikova, N.A. (2005). *Metaforicheskaya reprezentatsiya lingvokulturologicheskoy kategorii SVOI — ChUZhIE v ekologicheskem diskurse SShA, Rossii i Anglii* [Metaphorical Representation of the Linguocultural Category OF OURS — ALIENS in the Environmental Discourse of the USA, Russia, and England] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 2005. (In Russ.)
8. Kushneruk, S.L. (2020). Osnovnye napravleniya razvitiia rossiiskoi lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoi voiny [Main directions of the development of Russian linguistics of information and psychological war]. In A.P. Skovorodnikov (Ed.), *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voiny* [Linguistics of information and psychological war] (Monograph, Vol. III). Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. (In Russ.)
9. Panarin, I.N. (2023). *Gibridnaia voina i IaLTA-2* [Hybrid war and YALTA-2]. Moscow: Goriachaia linia — Telekom, 452 p. (In Russ.)
10. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2002). *Iazyk i natsional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii* [Language and national consciousness. Questions of theory and methodology]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. (In Russ.)
11. Romanov, A.A., & Romanova, L.A. (2002). *Tekhnologiya rezonansnoy informatsii v politicheskoy kommunikatsii* [Technology of resonant information in political communication]. In *Politichestkiy diskurs v Rossii* (Materials of the permanent seminar, Iss. 6). Moscow, 2002. (In Russ.)
12. Sivkov, K., & Sokolov, K. (2023). *Gibridnaia voina* [Hybrid warfare]. Moscow: Nashe zavtra, 280 p. (In Russ.)
13. Khabarov, A.A. (2022). *Etnokognitivnye osnovy informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviia v kommunikativnoi dinamike diskursa* [Ethno-cognitive basis of informational and psychological impact in the communicative dynamics of discourse] (Doctoral thesis). Moscow. (In Russ.)
14. Serebrennikov, B.A., & Ufimtseva, A.A. (Eds.) (1977). *Iazykovaia nominatsiia: vidy naimenovanii* [Language nomination: types of names]. Moscow: Nauka, 356 p. (In Russ.)
15. Serebrennikov, B.A., & Ufimtseva, A.A. (Eds.) (1977). *Iazykovaia nominatsiia (obshchie voprosy)* [Language nomination (general questions)]. Moscow: Nauka, 360 p. (In Russ.)